

1-го февраля 1935 года.

примерно
Бильманис сделал следующее заявление:

"Не успело латвийское правительство получить" сообщение посланника о вручении им мне ноты от 26-го января и о моем ответе на эту ноту, как 28-го января тов. Молотов на С"езде Советов заявил следующее: /Бильманис наизусть повторил почти в точности заявление тов. Молотова относительно продажных буржуазных писак, замалчивающих случаи с консулом одной страны, - заявление, кончившееся предупреждением о том, что терпению СССР может прийти конец/. На другой день заявление тов. Молотова появилось во всей прессе и было сообщено за границу. Таким образом, продолжал посланник, несмотря на то, что я в свое время "с выражением сожаления квалифицировал как лишнее" опубликование в печати известных статей в "Известиях" и в "Правде", которые придавали огласке инцидент с Биссенексом и при этом искажали существо дела и возводили тяжелые обвинения на Латвию, - данное Латвии обещание продолжает нарушаться и при том даже в заявлении Председателя Совнаркома перед С"ездом Советов. Рассматривая это заявление как оскорбительное для Латвии и по форме, и по содержанию очень тяжелое, Латвийское правительство "выражает свой протест и оставляет за собой право реагировать".

Закончив это заявление, Бильманис положил передо мной меморандум, в котором, по его словам, зафиксировано то, что он мне изложил устно.

Я ответил приблизительно следующее:

Заявление посланника исходит из неправильной предпосылки. Он представляет дело таким образом, будто мы дали какое-то обещание в виде обязательства, и теперь, считая это обязательство нарушенным с нашей стороны, он заявляет протест. Это, однако, не соответствует действительности. Я напоминаю посланнику, что когда я первый раз говорил с ним по делу Биссенекса, я отметил тяжелый характер действий Биссенекса и указал, что, несмотря на это, мы, во внимание к нашим отношениям с Латвией, решили

159
СЕКРЕТНО.
РАССЕКРЕЩЕНО
Экз. № 3.

не делать других выводов из этого дела и даже не предавать его огласке, а лишь ограничиться требованием о немедленном отзывании Биссенекса. Это великодушное решение отнюдь нельзя рассматривать как обязательство Советского правительства. Само собой разумеется, оно имело и имеет право, если бы оно, вследствие каких-нибудь новых обстоятельств, нашло это нужным, опубликовать все материалы по делу Биссенекса; тем не менее, оно этого не сделало, несмотря на позицию Латвийского правительства, которое вместо признательности к Советскому правительству за его отношение к данному делу, учинило какое-то следствие в Риге, обратилось к нам с требованием "моральной сатисфакции" и т.п. Оно не сделало этого также в заявлении тов. Молотова, в котором Латвия и Биссенекс не были названы. Неправильной является далее ссылка посланника на то, будто я, говоря с ним о статьях в "Правде" и в "Известиях", выразил в свое время сожаление. Я напоминаю, что когда посланник жаловался мне по поводу этих статей и высказывал сожаление, что они появились, - я разъяснил ему, что НКВД не может отвечать за прессу, что я ничего не знал о появлении этих статей, и что я так же, как и он, жалею об этом, но ничего сделать не могу. Такое "сожаление", высказанное при том в личном порядке, отнюдь не является официальным выражением сожаления, которое на дипломатическом языке означает извинение, и на которое можно было бы сослаться при заявлении официального протеста. - Вообще я должен сказать, что вся постановка вопроса со стороны Латвийского правительства и посланника неправильна и неприемлема для нас. Нельзя, как это делает посланник уже несколько раз, представлять дело таким образом, будто Латвия обижена нами и имеет основания пред"являть нам требования, а мы должны оправдываться и давать удовлетворение. В Такой постановке вещи ставятся на голову. Не Латвия, а мы имеем основания для пред"явлений претензий. Не Латвия, а мы можем пред"являть протест. Не Латвия, а мы имеем право требовать удовлетворения. Я вынужден поэтому решительным образом отклонить про-

тест посланника и должен заявить ему, что я со своей стороны протестую против той постановки вопроса, которую он продолжает применять в беседах со мной по этому делу.

Бильманис слушал безмолвно, и когда я кончил, робко заявил: "Хорошо, я передам Ваш ответ в Ригу".

После этого я прочел меморандум Бильманиса и вернул его посланнику, заявив в решительной форме, что я не могу принять этот документ, ибо он повторяет ту же неприемлемую для нас и недопустимую постановку, и я не могу признать за Латвийским правительством право протестовать по этому делу.

Бильманис не возражая положил бумагу обратно к себе в карман. После этого он в том же тоне, как и прошлый раз, стал говорить о стремлении Латвии поддерживать наилучшие отношения с СССР, о своих собственных усилиях, о появившейся в наших сегодняшних газетах телеграмме, передающей статью органа Латвийского военного министерства, выражающего свое удовлетворение по поводу заявления тов. Молотова о дружественном характере политики СССР в отношении Латвии и прибалтийских государств вообще.

Я сказал, что это заявление тов. Молотова лишний раз показывает, как бережно относится Советское правительство к нашим отношениям с Латвией и другими соседями, и еще раз подтверждает, что мы хотели и хотим избежать неприятного влияния инцидента с Биссенексом на отношения между нашими странами.

Бильманис сказал, что он это вполне понимает и признателен за это, и что Латвийское правительство тоже было преисполнено лучших чувств и даже хотело примерно наказать Биссенекса, но, к сожалению, следствие не подтвердило выдвинутых против него обвинений и, к сожалению, все дело было испорчено опубликованием статей.

Я ответил, что если бы Латвия действительно дорожила отношениями с СССР, то оно должно было, на основании сообщенного ему материала, нало-

жить примерное наказание на Биссенекса, а не учинять параллельное следствие тому, которое было произведено на процессе Верховным Судом в Ленинграде.

Затем, Бильманис, также по поручению своего правительства, спросил, почему мы, зная вскоре после убийства тов. Мирова о показании Николаева против Биссенекса, не предложили Латпра отозвать его без шума, как "персона нонграта". Этим мы действительно доказали бы наше дружественное отношение в Латвии и нежелание, чтобы этот инцидент неблагоприятно отразился на наших отношениях.

Я ответил, что просьба об отозвании в таком порядке, о котором говорит посланник, практикуется в тех случаях, когда имеются более легкие обвинения против соответствующего лица. В данном же случае, когда следствие велось по важнейшему государственному преступлению, наши власти, естественно, должны были ожидать результатов не только предварительного, но также и судебного следствия на Верховном Суде, прежде чем обратиться официально к НКВД с выводами относительно Биссенекса. Я думаю, что они поступили совершенно правильно и если бы мы действительно еще в начале декабря потребовали отзыва Биссенекса, то Латпра могло бы быть в претензии на нас, что мы поторопились сделать это на основании предварительного дознания и даже не дождались рассмотрения дела Верховным Судом.

Бильманис ничего не возразил и, подумав, сказал опять тем же робким голосом: "Я все-таки должен поддержать заявление моего правительства", на что я коротко ответил ему: "Конечно", и на этом мы распрощались.

- мм/ао-12 экз.
- 1-2 в дело.
- 3-4- т. Сталину.
- 5-тов. Молотову.
- 6-тов. Ворошилову.
- 7-тов. Кагановичу.
- 8-тов. Орджоникидзе.
- 9-тов. Литвинову.
- 10-тов. Крестинскому.
- 11-1 Западный Отд.
- 12-Р и г а.

/Б. Стомоняков/